

Таким образом, исходя из приведенных выше описаний, можно выделить семь основных иконографических типов Геракла в произведениях торевтики, происходящих из Северного Причерноморья, преимущественно из погребений скифских кочевников: голова в виде маски в львином шлеме, погрудное изображение безбородого героя в шлеме или венке, фигура отдыхающего Геракла, изображение первого, одиннадцатого и двенадцатого подвигов. Они свидетельствуют о синкретичности образа героя-бога, его связи с хтоническими культурами. По-видимому столь широкую популярность в средеnomадов этот образ получил благодаря легенде о происхождении скифов, описанной Геродотом, согласно которой Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в Гилею в колеснице, запряженной лошадьми, которых местная змея-дева тайно выкрада у него [IV, 8-10]. Возможно поэтому его изображение так часто служит украшением конской узды, будучи своеобразным апотропеем.

А. С. Русакова

АБАБ, СЫН КАЛЛИСФЕНА – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

В возрожденной после гетского нашествия Ольвии уже в первые десятилетия I в. н.э. появился неодинарный политический деятель, личность которого привлекала сравнительно мало внимания ученых. Чаще при рассмотрении тех или иных вопросов по истории и культуре этого города отмечалось наличие эпиграфических источников, свидетельствующих о его контактах с Римом, культе римских императоров и строительстве монументальных сооружений (Ср.: Латышев, 1887. С. 73; Яленко, 1987. С. 73; Анохин, 1989. С. 56, 58; Русакова, 1992. С. 155, 156; 1999. С. 469, 579; Крапивина, 1993. С. 140, 141; 1999. С. 233; Крижицкий, 1998. С. 158; Vinogradov, 1997. С. 342). Между тем, хотя бы приблизительное выяснение характера деятельности первого из известных лидеров в греко-римский период истории Ольвии имеет немаловажное значение для понимания того, кем он являлся на самом деле, какую роль сыграл в судьбе гражданской общины и в ее первых взаимоотношениях с Римом.

В надписи на мраморной плите сообщалось, что Абаб, сын Каллисфена, «императору цезарю богу сыну бога Августу, величайшему первосвященнику, отцу отечества и всего человеческого рода, императору сыну бога Тиберию цезарю и Демосу на собственные средства стою» посвятил (IOSPE, I(2), 181). Очевидно, плита была вмонтирована в указанное в посвящении сооружение, остатки которого до сих не открыты.

Поскольку титул Σεβαστός перешел к Тиберию после смерти Августа в 14 г. н.э., то надпись единодушно датируется близко к этому времени. В ней применена почти вся титулатура, которой обладал Октавиан, получивший божественный кульп после смерти (CIL. X. 3757). Уже в 14 г. он был канонизирован и официально именовался *Divus* (Tac. Ann. 1, 10), повсеместно ставились его

статуи и алтари (Simpson, 1981. P. 492 сл.; Alföldi, 1984. S. 17, 51; Садовская, 1985. С. 70 сл.). Почитание Августа особенно популяризовалось в восточных провинциях, чему содействовал разосланный манускрипт с повелением ставить статуи императора, сооружать храмы, алтари и портики для украшения городов (Tac. Ann. IV, 37,55; Suet. Aug. II,52). Нового «богочеловека» знали не только в малоазийских городах (Эфес, Сарды, Милет), но и на Понте. В данном аспекте представляет интерес и сообщение Аммиана Марцеллина о том, что на берегу Борисфена также был установлен алтарь, посвященный Августу (XXII, 8, 40).

Не исключено, что ольвиополиты тоже получили специальный манускрипт о сооружении Августу памятника. А это может свидетельствовать о том, что в это время Ольвия была не только вновь отстроена (хотя бы частично на высоком южном плато и в прилиманной части, откуда в случае нападения с суши было легче переплыть на противоположный берег Гипаниса или в другое безопасное место), но и возобновила свое государственное устройство, наладила экономические и политические связи. Абаб в это время выступает как лидер гражданской общинны и видный государственный деятель.

О том, что он являлся именно таковым, указывает и проксенический декрет города Византия в честь его сына Оронта, копия которого была выставлена в Ольвии для всеобщего ознакомления по старой полисной традиции (IOSPE, I(2), 79). Оронту предоставлялись потомственные права гражданства Византия, его позолоченная бронзовая статуя была установлена там в булевтерии за заслуги в том, что он, выполняя обязанности ольвийского магистрата, относился с уважением и благосклонностью к иностранцам, в частности византийским купцам, приезжавшим в Ольвию. Считается, что эта надпись по времени близка посвящению Абаба. Это тем более вероятно, ибо в ней отмечено, что отец Оронта Абаб был «первенствовавшим не только в отечестве, но и во всем понтийском народе», возвысился до известности Августам и принес много пользы городу Византию, где также удостоился проксении.

Исходя из этого можно уверенно считать, что Абаб занимался как торговыми операциями, в результате чего приобрел значительные средства, так и политической деятельностью. Термин *πόλις*, бесспорно, свидетельствует о том, что Ольвия в это время уже представляла собой автономный город, который Абаб считал своей родиной. Выполняя здесь различные должности попеременно (по-видимому, архонта и агоронома) и будучи сам торговцем, он особенно содействовал тем иноземным купцам, которые часто приезжали в город и благодаря которым слава о нем распространялась во многих регионах Причерноморья. Скорее всего, после гетского нашествия Ольвия торговала, как и в предыдущие времена, главным образом хлебом и рыбой, а присезжие купцы могли привозить сюда наиболее необходимые недорогие товары и продукты.

В этот труднейший период восстановления разрушенного почти до основания города Абаб принадлежал к тем немногим гражданам, которые обладали не только большими богатствами, но и пользовались особым авторитетом. Не исключено, что он часто избирался на высшие государственные должности, нередко выполняя их за собственный счет во благо всего демоса, что косвенно подтверждается потомственными проксениями Византия ему и сыну Оронту,

происходившим из аристократического рода Каллисфена. Последнее чисто эллинское имя было широко распространено в античном мире в отличие от имен его сына Абаба и внука Оронта. Представляет большой интерес то, что если первый из них носил редкое греческое (малоазийское) имя, то Оронт – персидское. Известно, что отец первого из династов рода Митридатидов именовался Оронтобатом (Reinach, 1890. Р. 4, 138 sq.). Близкие к этому имена имели и другие знатные персы. Все Митридатиды в основном отличались филэллинской политикой (Сапрыкин, 1996).

Наличие персидского имени в семье ольвиополита можно объяснить двояко. Не исключено наличие родственных связей отца или деда Абаба с какими-то представителями разветвленного рода Митридата VI Евпатора или близко стоящих к нему людьми времени вхождения Ольвии в Понтийское царство, когда здесь находился специальный отряд, присланный понтийским царем для ее защиты от нападений варваров и укрепления собственной власти (см.: Виноградов, 1989. С. 250 сл.; Сапрыкин, 1996. С. 132 сл.). Не менее вероятны связи самого Абаба с Синопой и Боспорским царством, где в его время жило немало наследников и приверженцев политики понтийского властелина. То, что Абаба считали первенствовавшим на Понте, не исключает того, что он целеустремленно соответственно своим возможностям стремился к такому лидерству и почитал Евпатора.

С другой стороны, вряд ли можно сомневаться и в том, что Абаб принадлежал к древнему аристократическому роду по линии отца, возможно, даже Евресибиадов. В этом аспекте привлекает внимание декрет в честь Каллисфена, сына Каллисфена конца II в., в котором упоминаются его предки, известные Августам (IOSPE, I(2), 42). Его родной брат Евресибий, сын Каллисфена, исходя из его редкого имени и знатности происхождения, продолжал линию знаменитого в Ольвии рода Евресибиадов, стоявшего у истоков основания полиса и способствовавшего установлению демократии. Именно с ними следует связывать два известных ольвийских склепа-героона под курганами (Русеева, 1992. С. 185–191).

Предположительно можно считать, что в период нашествия гетов отец Абаба Каллисфен нашел временный приют в Синопе, с которой Ольвия поддерживала теснейшие экономические и политические связи. В этот труднейший период истории Ольвии только благодаря поддержке синопейцев и римлян он смог сохранить свои сбережения, ставшие залогом успеха его сына Абаба и внука Оронта. Нетрадиционно ольвийские имена в определенной степени могут свидетельствовать о том, что он был женат на знатной синопеянке не эллинского происхождения. Если в пределах приблизительно 14–18 гг. Абаб соорудил на собственные средства стоя в Ольвии, уже прославился своей деятельностью на Понте, преуспел в известности Августам и имел сына, которому благодарные граждане Византия поставили позолоченную статую, то к этому времени ему могло быть около 50–60 лет, а значит он мог родиться вскоре после разгрома гетов римлянами. Особая приверженность римлянам как Абаба, так и Каллисфена, сына Каллисфена, наталкивает на мысль, что отец первого из них в наибольшей степени был заинтересован в полном разгроме самых страшных врагов Ольвии и предпринял ряд шагов, чтобы римляне начали с ними войну. После их

победы у ольвиополитов появилась уверенность в том, что можно без боязни возвратиться в родной город.

Вскоре после 14 г. Абаб имел уже достаточно средств, чтобы соорудить стоя в честь Августов. Поскольку она посвящалась римским императорам, то вряд ли была небольшой и плохо построенной. Посвятительная надпись с пышной титулатурой обязывала, чтобы памятник обращал на себя внимание не только у населения Ольвии, но и у приезжавших сюда иноземцев, в том числе и римлян.

Для какой цели служила эта стоя, каких она была размеров и из какого камня (местного или привозного) сооружена, а также в каком месте города стояла, установить сейчас невозможно. В. В. Латышев предполагал, что она предназначалась для собраний граждан, для их бесед о политике, ведения общественных и торговых дел и поэтому, как и в других городах, ее построили в близком соседстве с городской площадью (1887. С. 169, прим. 4). Вполне вероятно, что в первые десятилетия нашей эры такая площадь находилась в прилиманной части Нижнего города. Как ни странно, но по прошествии около семидесяти лет побывавший здесь в конце I в. Дион Хризостом при подробном описании Ольвии не упоминает этой стоя, хотя не преминул подчеркнуть, что ольвиополиты с презрением относятся к тем соотечественникам, кто следует римским обычаям (*Orat. XXXVI*). По какой-то причине взаимоотношения Ольвии с Римом были нарушены. Вероятно, римские владыки не предприняли решительных мер для постоянной защиты города от набегов варваров и противники римской политики могли разрушить памятник.

Кроме того, нельзя не отметить, что близко ко времени сооружения стои Диомед – управитель дома Оронта, сына Абаба, подарил своему господину эксадру (*IOSPE*, I(2), 182). Так как он о своем даре оставил надпись на плите, то, следовательно, она стояла в общественном месте – то есть в стое, возможно, той самой, что была сооружена на средства Абаба. Очевидно, уже постаревшему Оронту было особенно приятно сидеть здесь со своими друзьями и поклонниками в полукруглой, защищенной от ветров нише на специальных скамейках. Во всяком случае, если бы эксадра была типа гостиной в жилом доме, то вряд ли Диомед по такому случаю оставил бы специальную надпись, явно предназначенную для всеобщего ознакомления.

Из проксении Оронта известно, что его отец добился известности у Августов. Отсюда можно понять, что он лично предпринимал какие-то действия, чтобы познакомиться с императорским домом, очевидно, еще до смерти Октавиана. А это значит, что его знакомству с обоими Августами способствовало не посвящение им стои в Ольвии, построенной уже после смерти первого из них, а скорее всего какие-то важные государственные дела или удачные торговые операции. По мнению В. П. Яйленко, сооружением памятника Абаб продемонстрировал свою лояльность римским императорам, а об отношениях Ольвии с Римом на государственном уровне сведений не имеется (1987. С. 73). С таким выводом не согласен Ю. Г. Виноградов (*Vinogradov, 1997. S. 342*).

Действительно, если только в Ольвии в это время Абаб не являлся единичным правителем, что весьма сомнительно при устоявшейся традиции

сохранения, пусть и элитарной, но демократической власти, то без решения народного собрания и совета, а также коллегии архонтов он не смог бы поставить памятник со столь уникальным для этого античного государства посвящением. В таком случае Ольвия, постоянно испытывавшая большие трудности, особенно в этот ранний период своего восстановления и страх перед новым вторжением варваров, могла быть заинтересована в помощи Рима. Другое дело, что римских правителей пока мало интересовал этот провинциальный и далеко не полностью восстановленный город, лежащий несколько в стороне от главных морских путей.

Верноподданные чувства Абаба к императорам могли быть вызваны и иными причинами, в том числе удачными дипломатическими переговорами с Римом, заинтересованностью дипломатов, каким мог быть и сам Абаб; в налаживании хороших отношений с империей и ее помощи в случае опасности. Разнообразные контакты с ней имели бы огромное значение для стабилизации обстановки и внешнеполитических связей с другими городами, как это видно по многим данным из северопонтийских государств (КБН, 38, 41, 47, 48, 52 и др.; Блаватский, 1985; Русева, 1992. С. 155 сл.; Зубарь, 1994. С. 15–18). Для Ольвии, находившейся в тот момент в тяжелых условиях, восстановление и развитие всесторонних международных отношений было одной из первоочередных задач.. При этом, естественно, дипломатические функции переплетались с религиозными. Сакральная сфера по-прежнему играла важнейшую роль в установлении политических и экономических контактов.

Учитывая первенствующее место Абаба среди «понтийского народа», а также знакомство с Августами, можно полагать, что он хорошо знал сложившуюся в период его жизни внешнеполитическую обстановку. Принципиально важным для решения вопроса о взаимосвязи личности Абаба с государственной политикой Ольвии является посвящение стои не только римским императорам, но и Демосу. Вероятно, его действия на короткий срок что-то изменили в судьбе Ольвии, но в общем, конечно, более всего способствовали его славе и обогащению. Тем не менее, в определенной степени пример Абаба, как и его отца Каллисфена и сына Оронта, показывает, что движущей силой возвращения ольвиополитов на прежнее место обитания (в духовно-моральном и психологическом аспектах) были прежде всего полисные традиции единства гражданской общины, патриотизм и стремление к свободе, поскольку только здесь они оставались полноправными гражданами.